Лебедев Е.

20/VI-86

«ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ» 9 20 июня 19

СПРАШИВАЕМ — ОТВЕЧАЮТ...

20 ИЮН 1986

Евгений ЛЕБЕДЕВ:

«ПЬЕСЫ ГОРЬКОГО — МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ»

Наконец затихли аплодисменты, и старик Бессеменов устало покинул сцену... Когда я зашел в гримуборную, усы и борода уже лежали на столике, серая косоворотка и темный жилет покоились на вешалке, а в кресле отдыхал лауреат Ленинской и Государственных премий СССР и РСФСР, народный артист СССР Евгений Алексеевич Лебедев...

— Евгений Алексеевич, в режиссерском управлении БДТ мне дали справку: сегодня ваш Бессеменов встретился со зрителями в триста шестьдесят седьмой раз! Спектакль «Мещане» на сцене Ленинградского академического Большого драматического театра имени Максима Горького идет без перерыва двадцать лет! И при этом всякий раз атмосфера и на сцене, и в зале премьерная...

— Нам самим очень дорого это премьерное ощущение спектакля-долгожителя. Значит, вопросы, которые поднимаем в горьковской пьесе, волнуют зрителя и сегодня. Размышляя о «Мещанах», постановщик спектакля Георгий Александрович Товстоногов, в частности, писал: «В чем я увидел опасную сущность мещанства? В том, что люди придумывают себе фетиши и слепо верят в их незыблемость, не видя за частоколом понятий подлинной реальности жизни. А добровольное рабство делает человека ограниченным, лишает его способности вырваться из-под власти мертвых схем и канонов, глухой стеной замкнувших, замуровавших его в рамках собственной закостенелости...». Видимо, вот это жестокое, непримиримое отношение театра к мещанству как к опасной категории, которая представляет реальную опасность и сегодня, делает пьесу Горького современной...

— Несомненный нерв спектакля — Василий Васильевич Бессеменов, который фанатично верит в незыблемость устоев своего мира. Волны этой мрачной веры расходятся от него, как круги по воде... И тем не менее ваш Бессеменов очень человечен...

— Эта человечность Бессеменова для меня с Товстоноговым была принципиальной: чем глубже страдает мой герой от каждой потери, тем более страстным, одержимым становится он в стремлении предотвратить крушение своего мира, тем сильнее ощущается бессмысленность того, что делает... Когда Георгий Александрович принялся за постановку «Мещан», то в своем решении спектакля руководствовался фразой из письма Чехова к Горькому, содержащей такую мысль: пьеса, в которой центральный персонаж не обладает никакими привлекательными свойствами, а просто нудный и злобный старик, интереса у публики вызвать не может... Исходя из этой фразы, возникла концепция: Бессеменова надо максимально оправдать! Необходимо субъективные устремления Бессеменова довести до такой силы, чтобы мы в полной мере ощутили трагедию этого человека. Кстати, только тогда до конца станет понятной и вся опасность мещанства... Помня об этой сверхзадаче, и работал над ролью.

Убежден, что черты Бессеменова есть во многих моих современниках, в том числе, увы, и во мне самом... В подтверждение этой мысли вспомню письмо одного профессора литературы из Токийского университета, которое я получил после того, как БДТ показал в Японии «Мещан». В частности, профессор писал: «...Раньше я считал пьесу «Мещане» нудной и совсем не театральной. Теперь же резко изменил свое мнение. Более того — вдруг почувствовал, что я сам — тоже Бессеменов, что и у меня в жизни зачастую происходит то же самое...». И это написано в стране, где жизненный уклад от нашего отличается весьма заметно...

— В общем-то, ваш герой — фигура трагикомическая...

— А мы и ставили спектакль как трагикомедию. В чем заключено его комическое начало? Прежде всего в том, что в полном соответствии с Горьким показываем время, когда мир Бессеменова, его социальная группа, еще твердо стоящая на ногах, если иметь в виду материальную основу, дала трещину в плане нравственном и духовном и начинает себя изживать, подтачивать изнутри. Мир Бессеменова на наших глазах начинает разрушаться, все больше обнаруживая свою историческую бесперспективность и обреченность. Это было ясно Горькому, когда писалась пьеса. Это тем более ясно нам теперь. Однако самому Бессеменову это неясно. Отсюда возникает комизм. Но комичен не Бессеменов как личность, а его претензии на главенство в строе жизни. Смешны его потуги оставить все неизменным. Комично само несоответствие его душевных усилий и той цели, к которой они направлены. Эти усилия по-своему даже героичны. Они свидетельствуют о натуре сильной, страстной. Однако цель — ничтожна, нелепа, смешна... Вот от этого соединения страстных, субъективно могучих душевных порывов моего героя с ничтожностью цели, ее бессмысленностью, вероятно, и возникает у зрителя ощущение трагикомического. А если бы Бессеменов вдруг, хотя бы на секунду, понял всю ничтожность своих устоев, то тогда из трагикомической фигуры он превратился бы в трагическую, как это случилось, скажем, с другим героем Горького — Егором Булычовым. Но, увы, Бессеменов этого не понимает...

— В книге, посвященной работе над этой ролью, вы писали, что к домостроевской атмосфере бессеменовского дома, созданной в спектакле, были подготовлены своим детством...

— Да, мое самочувствие в этом спектакле возникает отнюдь не на пустом месте. Мой отец был священником, и церковь для меня в детстве являлась совсем не «опиумом», а делом житейским. Мы просыпались утром, садились за стол, вставали из-за стола, ложились спать, ели хлеб, косили траву — и при всем этом непременно вспоминали бога. Очень хотелось учиться, и меня отправили к деду в Самару... Когда позже читал «Мои университеты» Алексея Максимовича Горького, вспоминал и свои собственные «университеты», которые были совсем не легкими. Мне тоже рано пришлось заботиться о хлебе насущном, работал с юных лет: пас коней, орудовал в кузне, на маслобойне... В общем, с жизнью знакомился отнюдь не по книгам. Сам был участником многих «жизненных» пьес, свидетелем многих «жизненных» драм и комедий... Кстати, происходило это все на Волге — так что с Алексеем Максимовичем мы земляки... Окончив шесть классов, поступил в ФЗУ, где впервые вплотную соприкоснулся с новым, революционным миром, от которого прежде был отчужден обстоятельствами своего детства, семейного уклада, воспитания...

— Наверное, благодаря всем этим обстоятельствам книги Горького вы полюбили еще в юности?

— Не совсем так, потому что после убогого «изучения» романа «Мать» в школе всякое желание читать Горького надолго пропало. Да, наш педагог, как тогда было принято (да и сейчас, по-моему, это тоже еще не изжито), обращала внимание лишь на социальную сторону произведения, причем излагалось все это такими сухими, казенными словами... В общем, всякий интерес к Алексею Максимовичу был убит изначально. И только спустя время, уже в театральной школе, когда прочел его «Трое», когда буквально проглотил «Фому Гордеева», понял, что же это такое — Горький! Кстати, первая моя актерская встреча с Горьким случилась именно тогда, в театральной школе: в отрывке из инсценировки по роману «Трое» играл Илью...

— Ну а следующая встреча — лишь спустя два десятилетия?

— Конечно, срок прошел немалый, но, может, это и хорошо: драматургия Горького требует от актера не только чисто профессионального мастерства, но и жизненного багажа, активной гражданской позиции... В кинофильме «Достигаев и другие» сыграл Губина — купчину-дебошира, вышедшего из простых мужиков. Хотелось показать натуру дикую, необузданную, изувеченную богатством...

— Дальше — акцизный надзиратель Маврикий Осипович Монахов в «Варварах», ставших одним из самых блистательных товстоноговских спектаклей. Помнится, критика писала, что без опыта этого спектакля БДТ «не может пойти дальнейшее развитие горьковского театра». А вот цитата, касающаяся вашего героя: «Оказывается, Монахов ни в чем не похож на угрюмого пошляка с рыбьей кровью. Прежде всего он еще совсем не старый человек. Лицо у него скорее тонкое. Губы нервно подергиваются. Он играет в циника, а срывается все время на истерику. Провинциальный человек, любитель духового оркестра и рыбной ловли в исполнении Евгения Лебедева — человек нервический, терзаемый комплексом неполноценности...»

— Комплекс неполноценности и неразрывно связанная с ним жажда самоутверждения, разъедающая личность человека. И все-таки, как и позже в случае с Бессеменовым, я тут прежде всего защищал своего героя. Впрочем, все это — по Станиславскому, сказавшему просто и мудро: играя злого, ищите, где он добр, слабого — где он силен... Станиславский утверждал, что актер является или прокурором, или защитником своего героя. Но диалектика театрального искусства такова, что обвинять он может — защищая, а защищать — обвиняя!

Что же лежит в основе действий Монахова? Безответное чувство к Надежде, своей жене. «У здешних мужчин у всех глаза одинаковые, и даже... как будто нет у них глаз...» — скажет о нем и ему подобных Надежда. Не нужна ей его любовь, а переродиться ему не дано. Как не дано побороть в себе глухую тоску, чувство унижения, сколько бы он ни фиглярничал. И как страшно становится Монахову, когда Надежда находит «своего героя», когда охватывает ее любовь. Изнемогая от горя, следит Маврикий Осипович за ее диалогом с Черкуном (великолепен был этот дуэт — Татьяны Дорониной и Павла Луспекаева!). Не стыдясь, громко рыдает: «Тоска. Ведь, кроме нее, ничего нет! Ничего!». А потом, в финале, после рокового выстрела, его слова полны вдруг такой пронзительной силы: «Господа, вы убили человека...»

Почему же люди подчас становятся варварами? Горький мыслит философскими категориями огромного масштаба. Он поднимает проблемы для человечества вечные. Призывает к гуманизму, без которого построение будущего гармонического общества нереально, и безжалостно препарирует такие явления, как варварство, мещанство, духовный паразитизм; они изменяются во времени, модернизируются, но по самому существу своему остаются враждебными стремлению человечества к этой гармонии...

— Интересное наблюдение высказал один театровед по поводу очередного горьковского персонажа, воплощенного вами в спектакле БДТ «Дачники»: «Было в лебедевском Двоеточии, шумном, весело хохочущем, удивительное буйство соков... Противостояние Двоеточий миру дачников — не в обличениях и приговорах, но в мироощущении, в той игре природных сил, что пронизывает всю роль. Эта игра природных сил, близость к миру природы с ее былями и небылями, углубленная проработка извечных мотивов жизни и смерти, любви и ненависти образует ядро индивидуальности Лебедева...» Согласны с таким утверждением?

— Не мне судить относительно «ядра» собственной индивидуальности. Что же касается Двоеточия, то прежде всего, помнится, я задумался: почему у него такая фамилия? В грамматике двоеточие, известно, — знак препинания, после которого следует какое-то пояснение. Вот и в этой роли мне хотелось пояснить себе, зрителю: на что же мой герой — при всем буйстве его природных сил — в конечном счете растратил свою энергию, свой талант? Снова вспомнились Егор Булычов, Васса Железнова: на что эти люди израсходовали свои силы, свои незаурядные способности? Во имя чего жили эти яркие личности? Да, Алексей Максимович умел поднимать вопросы, для человека жизненно важные, не случайно же моим девизом давно стали такие его слова: «Научить людей любить, уважать истинно человеческое». Человек — вот главная ценность, главный двигатель жизни! — снова и снова утверждает Горький. Поэтому играть в его пьесах мне всегда радостно, они, без преувеличения — мои университеты. К каждому герою Алексея Максимовича подхожу с трепетным волнением и чувством особой ответственности...

— А новая встреча с Горьким будет?

— Надеюсь. Товстоногов собирается ставить «На дне» — вроде там и для меня роль предусмотрена... Кстати, Горький был одним из тех, кто стоял у самых истоков БДТ, так что его имя, которое носит наш театр, обязывает ко многому...

Беседу вел
Лев СИДОРОВСКИЙ

Фото **Б. СТУКАЛОВА**

57